

cepci literatury, ačkoli nejsme zcela jejím vyznavačem; naopak značně diskutabilní je tzv. přínos posledních výstupů tzv. literárně kulturní metody vyučování.

Ve stati na delikátní téma Básník Petőfi a petőfiánstvo (38-51) se autor zabývá osudem maďarského národního básníka, který žil jen 26 roků, vlastně Alexandra Petroviče, syna slovenských rodičů Štefana Petroviče a Márie Hrnkové. Autor zkoumá okolnosti, které básníka vedly k tomu, aby se stal Petőfím. Tento přesah do jiného národa a identifikace s ním je pro Červeňáka i dilematem současné slovenské mladé intelektuální generace, která často opouští zemi a nachází nové působiště a často i novou identitu, chce se tu trvale usadit. Nutno říci, že kromě tzv. západních zemí, tedy např. Velké Británie nebo Irska, je nejčastějším místem nového pobytu mladých Slováků Česká republika.

Zajímavá je práce Dostojevského legenda o ľudstve (50-70), rekapitulace a recepce *Legendy o Velikém inkvizitorovi z Bratrů Karamazovových*, již se autor zabýval v poslední době několikrát (a několikrát jsme o tom na stránkách *Opera Slavica* psali). Recepce slovenské literatury v zahraničí je důležitá, říká ve stati *Slovenský naturismus* v ruskej optike (70-76).

V poetologických diskurzech se Červeňák zabývá problémem literárního palimpsestu z hlediska estetického a antropologického (79-93) na příkladu prózy Ladislava Ťažkého *Útek z Neresnice* (1999). Svě oblíbené téma snu a snění kultivuje v práci *Sen a (vnútorný) sujet*, romantismem se zabývá v zamyšlení *Romantizmus prekonaný a anticipovaný*, kde prosazuje své široké pojetí tohoto směru (100-105). K svému projektu ruské moderny se vrací jeho závěry (106-130).

V personalistické části svého svazku se zabývá M. Bachtinem, Z. Mathauserem a M. Hamadou – všechny tyto osobnosti spojuje netuctové pojetí artefaktu a objevování nových cest v analýze literatury z širšího, hlavně filozofického hlediska.

Reminiscence předpokládají nejen jistou nostalgii, ale také ulamování polemických hrotů a mírní směřování k idylčnosti: Červeňák se tomuto úskalí vyhýbá dělností a konkrétností svého pojetí, ale jistě umělé harmonizaci poměrů v mezinárodní slavistice se zcela nevyhnul. Zejména zmarněné projekty, které hodně slibovaly, ať v Praze nebo na Slovensku a které musely ustoupit technologii mocenských uskupení, jsou nápadné a nelze je retušovat (dějiny slavistiky, komplexní dějiny slovanských literatur z poetologického a areálově kulturního hlediska, romantismus, genologie apod.). Nicméně badatelova energie a promyšlení několika nosných okruhů, které jsou jádrem jeho pojetí literatury v širokém okruhu slavistiky a vztahových fenoménů slovenské literatury a literární vědy, jsou příslibem nového pokračování.

Ivo Pospíšil

Лирический субъект в русской романтической поэзии

Eliáš, A.: Demiurg či reptajúca trstina. Lyrický subjekt v ruskej romantickej, postromantickej a neoromantickej poézii.: Univerzita Komenského, Bratislava 2008, 134 s.

Русская классическая поэзия XIX-ого века занимает важное место среди профессиональных интересов известного словацкого исследователя-русиста **Антоня Эли-**

ша, об этом свидетельствует целый ряд опубликованных статей¹ и осуждаемая могография, опубликованная в 2008 г. В этой работе доминантное внимание уделяется лирическому субъекту в русской романтической поэзии. Подход к избранной теме отличается концептуальностью и обдуманностью: автор не стремится охватить всю проблематику решающих этапов развития русского романтизма (например, он намеренно избегает формальных описаний и анализа всех представителей и артефактов почти столетнего «романтического процесса» русской литературы), но останавливается лишь на решающих моментах и творчестве главных представителей трех доминантных этапов – романтизма, постромантизма и неоромантизма. Таким образом (при помощи высоко компетентного и обстоятельного анализа) ему удается создавать адекватное аргументационное пространство для раскрытия тех различительных знаков и симптомов русской романтической поэзии и лирического героя (субъекта) последней, которые необходимо (с точки зрения литературного развития и литературных традиций) отнести к фундаментальным и решающим – не только в контексте XIX-ого века, но и при изучении дальнейшего развития русской поэзии в XX-ом веке, и при исследовании русско-словацких (значит, в определенной мере и русско-чешских) и русско-европейских взаимоотношений. В связи с этим Элиашу, несомненно, удастся убедительно продемонстрировать «неисчерпаемость поэзии» с точки зрения ее рецепции в меняющихся временных контекстах, т.е. симптоматичный атрибут настоящей художественной литературы, упомянутый им уже в начале данной монографии и практически затем многократно иллюстрированный в ней при помощи исчерпывающего литературоведческого анализа конкретных стихотворений. Важно подчеркнуть, что значительное внимание уделяется вопросам «пространства и времени», так как эти хронологические взаимосвязи, неотделимые от романтического восприятия мира, необходимо, по моему мнению, относить к перманентным составным частям рецепции и интерпретации художественной литературы; в нашем случае они представляют собой одну из решающих связей между «онтологическим закреплением человека» не только в эпохе романтизма, но и в лабиринте сложной современной постмодернистской действительности, значит они убедительно подчеркивают неисчерпаемость романтического наследия человеческой культуры.

В симптоматичной «первой волне» русского романтизма Элиаш в качестве примера выбирает поэтическое творчество трех писателей. Образ **В. А. Жуковского** он стремится, прежде всего, лишить всех прежних штампов, «наклеенных» на данного поэта в связи с прежними подходами к его творчеству. Благодаря намеченному подходу ему удастся убедительно отделить сентиментальные и романтические элементы,

¹ Ср.: ELIÁŠ, A.: Čas a priestor v lyrike M. J. Lermontova. В сб.: Lermontovovský zborník. Banská Bystrica: KPÚ, 1985 с. 49-57. Eliáš, Anton. В сб.: Puškinovský zborník. Bratislava: Pedagogický ústav, 1988 с. 55-61. ELIÁŠ, A.: Na margo Lermontovovej lyriky a jej prekladových podôb. Romboid, 25 (1990), № 4 с. 108-112. ELIÁŠ, A.: Ruská romantická lyrika v kritike revolučných demokratov. Slavica Slovaca, 23 (1988), № 2, с. 151-155. ELIÁŠ, A.: Lyrika M. J. Lermontova. Ruský jazyk, 40 (1989), № 2, с. 51-56. ELIÁŠ, A.: Chronotopické aspekty typológie hrdinu ruskej romantickej lyriky. Slovak review, 6 (1997), № 1, с. 36-52. ELIÁŠ, A.: Reflexia romantizmu v lyrike K. D. Baľmonta. В кн.: Kontexty ruskej moderny. Bratislava: Stimul, 1996 с. 37-64. И др. K problematike typologických osobitostí Puškinovho romantizmu.

с одной стороны, в творчестве и личности этого поэта, однако, с другой стороны, также в воплощении лирического субъекта поэзии последнего. Русский поэт Жуковский представлен, таким образом, как оригинальная личность (например, через его восприятие единения с природой, в гуманистически ориентированных взглядах и др.).

В сопоставлении с ним художественная личность следующего раннего романтика **К. Ф. Рыльева**, поэтического «трибуна» и продолжателя «ломоносовско-державинской» традиции русской поэзии – со своеобразными просветительно-классицистическими чертами, представлена Элиашем как определенный антипод Жуковского.

Способности интерпретатора «*rag excellence*», автора обсуждаемой книги, проявляются при идентификации сверхромантических черт личности **А. С. Пушкина** – уже в раннем (т.е. предполагаемом романтическом) творчестве этого несомненного корифея русской поэзии первой трети XIX в. Элиаш утверждает важность пушкинского вклада в развитие жанровой варибельности романтического героя, способствующей закреплению принципов свободного творчества в последующем развитии русской литературы.

В следующей главе, обращающей уже самим названием внимание читателя на «гипертрофию романтического индивидуализма», анализу подвергается доминантный лирический герой **М. Ю. Лермонтова**. Особенная, более или менее солитерная позиция Лермонтова в контексте кульминационного русского романтизма, укрепляющая своеобразные импульсы интровертного характера в процессе эволюции художественного воплощения романтического героя, дополняется автором монографии обсуждением и интерпретациями таких дистинктивных проблем, как, например, *мотив сна*, *мотив ночи*, персональное понимание и восприятие *времени*, значение роли *мгновения* и *антитечности* в романтической поэзии, значение роли *пространства и времени* и доминантная *своеобразность* лермонтовского героя.

Не случайно, как мне думается, третья глава книги посвящена поэзии **Ф. И. Тютчева**. Элиаш в ней обращает внимание на семантическую *многослойность* поэзии этого писателя, на его симптоматически *своеобразное изображение природы и субъекта* в ней и одновременно «*переживание*» последнего и, разумеется, на роль времени и пространства в творчестве данного поэта. Можно сказать, что Элиаш предлагает таким образом читателю *de facto* комплексную оценку поэтики и поэзии Тютчева.

Последняя аналитическая глава монографии посвящена лирическому субъекту в стихах оригинального представителя неоромантического периода русской литературы – **К. Бальмонта**. Автор публикации подчеркивает своеобразие личности поэта и рассматривает, например, ее влияние на развитие символистской поэзии вообще, на роль *образа-символа* в стихах, на *мотивы ветра* и восприятия *времени*, своеобразную роль *мотто* и *антитезиса* и др.). Значит, Элиашу удалось, таким образом, акцентировать внимание на *общих проблемах символизма* в русской культуре, на *сущность* и *традиции роли символа* в искусстве, на связь бальмонтской лирики с традициями лермонтовского завещания и с русским импрессионизмом.

Монография коллеги Элиаша поднимает, как видно, ряд коренных проблем, без освоения которых невозможно добраться до «святыни» русской поэзии. Автор предлагает своему читателю провоцирующие импульсы к повторным возвращениям к лишь мнимо известным фактам, к художественным личностям и взаимоотношениям, доказывая, что исключительная способность поэзии (в том числе, несомненно,

и романтической) провоцировать и одновременно привлекать наше внимание (вызывать совместное переживание) не утрачивает своего смысла и в наше время начала XXI-ого века. Именно поэтому, мне думается, монография Антона Элиаша следует рекомендовать не только всем литературоведам и русистам, но также всем почитателям поэзии вообще, принимающим во внимание неоспоримый факт, что наследие романтической поэзии (в том числе, разумеется, и русской) нельзя изъять из сокровищницы мирового культурного наследства.

Олдржих Рихтерек

Literární teorie z Ukrajiny

Васьків, М. С.: Український роман 1920-х – початку 1930-х років Генерика й архітектоніка. Монографія. Кам'янець Подільський 2007.

Наливайко, Д.: Теорія літератури й компаративістика. Видавничий дім Кієво-Могилянська академія, Київ 2006.

Ukrajina, která se začala v kulturním, a tedy i literárním smyslu probouzet spíše ke konci 90. let minulého století, objevuje v literatuře a literární vědě jednak sféry dosud neexploatované, kde se poučuje především ze západoevropské a americké literární vědy a kritiky, jednak se vrací sama k sobě, k svým autochtonním ukrajinským nebo východoslovanským tradicím a především objevuje zapomenuté nebo potlačované jevy ve vlastním písemnictví. Ukazuje se, že v podstatě od časů evropské moderny v její rané fázi, tj. pro střední a východní Evropu na konci 19. a spíše na počátku 20. století, najdeme v ukrajinské literatuře i v její teoretické reflexi značné hodnoty.

Práce M. S. Vas'kiva o ukrajinském románu 20. a 30. let 20. století to dokládá mimo veškerou pochybnost. Je to období příznivé zejména politicky v tom smyslu, že si Ukrajinci včetně ukrajinských komunistů mysleli, že nastává doba svobodné Ukrajiny, a na počátku mohli mít i pravdu, neboť pluralita literárního vývoje tu byla ještě markantnější než v samotném Rusku s jeho literárními skupinami. Proto je autorův pohled na vývoj ukrajinského románu spojen hlavně s vývojem literárních směrů a jejich poetik. Ukrajinský román se ovšem začal vyvíjet už v 19. století, ale přece jen to byla spíše fáze učednická. Můžeme to srovnat třeba s vývojem české literatury: román tu nabírá dech dokonce až ve 30. letech 20. století, poezie vrcholí ve 20. a 30. letech. Román a jeho rozvoj předpokládá totiž patrně splnění jistých podmínek ve stavu společnosti, ale také samotné literatury, které byly v obou případech naplněny nadějami na samostatný národní vývoj nebo dokonce realitou samostatného státu. Předpokládá jistou poetologickou úroveň literatury jako celku, tedy i poezie a dramatu, neboť román, jak známo, parazituje na všem a bere si ze všeho. Pro počáteční fázi vývoje moderního ukrajinského románu bylo důležité spojení s ruskou klasikou, ale také s produkty evropského a později i amerického vývoje (Dos Passos) a samozřejmě nový materiál, jež přinesly události všech ruských revolucí s jejich osvobozujícím patosem i pro jiné národy, včetně Ukrajinců, ale také Židů. Na počátku stojí charkovská/charkivská a kyjevská/kyjivská románová škola reprezentovaná jmény jako V. Pidmohylnyj, M. Mohyljanskyj, M. Ivčenko, J. Plužnyk, M. Chvylyjovj, M. Zerov, O. Slisarenko. Obrovské bohatství